

9. *Касютин В.* Расширение картины мира: Молодые журналисты Кавказа модернизируют модели своих газет // Журналистика и медиарынок. 2010. № 4. С. 18–21.
10. *Кормер В. Ф.* О карнавализации как генезисе «двойного сознания» // Вопр. философии. 1991. № 1.
11. *Кравченко А. И.* Культурология : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М., 2001.
12. Культурология как наука: «за» и «против» : материалы «круглого стола». Москва, 13 февр. 2008 г. СПб., 2009 (выступления А. А. Гусейнова, В. В. Подороги и др.).
13. *Лозовский Б. Н.* Журналистика: техника безопасности. 2-е изд., испр. и доп. Тюмень, 2004.
14. *Мансурова В. Д.* Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности : дис. ... д-ра филос. наук. Барнаул, 2003.
15. *Олешко В. Ф.* Моделирование в журналистике: теория, практика, опыт. Екатеринбург, 2000.
16. *Рогозина И. В.* Коммуникативные модели СМИ как фрагменты картины мира // Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания : колл. монография. Барнаул, 2003. С. 189.
17. *Рыбаков Н. С.* Факт. Бытие. Познание. Екатеринбург, 1994.
18. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М., 2001.
19. *Сулимов В. А., Фадеева И. Е.* Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы // Филос. науки. 2004. № 4.
20. *Харитонов В. В.* Продуктивная и функциональная структура культуры. Екатеринбург, 2001.
21. Язык средств массовой информации. М., 2008.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011 г.

УДК 070.133 + 351.751.5 + 94(470.6)

И. В. Смолин

РАЗЛИЧИЕ МЕТОДОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ЧУЖОГО» В ТЕКСТАХ СМИ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВООРУЖЕННОМУ КОНФЛИКТУ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Рассматриваются некоторые особенности подачи информации о боевых действиях в современных российских печатных средствах массовой информации. Особое внимание уделено подаче образа «чужого» при помощи языковых средств. Проанализированы примеры из «Российской газеты» и «Комсомольской правды».

К л ю ч е в ы е с л о в а: толерантность, журналистский дискурс, оппозиция «свой» — «чужой», конфликт в Южной Осетии.

Исследование методов репрезентации «своих» и «чужих» в текстах СМИ тесно связано с одной из актуальных проблем современности — толерантностью. Под толерантностью в широком смысле понимается «уважение к непохожести и осознание того, что непохожесть — это залог развития. Толерантность — это готовность к диалогу, к творческому поиску» [18, 7]. Тонко уловил сущ-

СМОЛИН Игорь Владимирович — шеф-редактор газеты «Левобережье Магнитки», Магнитогорск (e-mail: smolin-iv@mail.ru).

© Смолин И. В., 2011

ность этого феномена американский антрополог М. Уолцер: «Терпимость (*толерантность*) делает возможным существование различий; различия же обуславливают необходимость терпимости» [21, 15].

Несмотря на то что некоторая часть российского общества негативно относится к понятию толерантности, расценивая его как элемент политики глобализации, навязываемой России Западной Европой и США, необходимо признать, что только толерантность в современном мире может выступать в качестве долгосрочной основы социальной безопасности [18].

Особенно актуальной эта тема становится во время острых социальных конфликтов, межнациональных столкновений, войн. В такие периоды бывает сложно достигнуть баланса между «единением нации» в стремлении защитить интересы страны, с одной стороны, и соблюдением толерантного отношения к представителям страны-противника — с другой.

Важнейшую роль в установлении или нарушении этого баланса играет пресса. Во многом именно пресса сегодня структурирует любое событие, направляет внимание общества на те или иные его аспекты, предлагает адресату различные оценки, закрепляет в общественном мнении определенные понятия и стереотипы.

В современном мире при увеличившемся темпе жизни и возросшем потоке информации именно стереотипы «закрепляют информацию об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, людях и т. д.; позволяют людям обмениваться информацией, понимать друг друга, участвовать в совместной деятельности, вырабатывать общие взгляды, одинаковую ценностную ориентацию, единое мировоззрение; ускоряют возникновение поведенческой реакции на основе прежде всего эмоционального принятия или непринятия информации. Стереотип способствует созданию и сохранению положительного «Я-образа», защите групповых ценностей, объяснению социальных отношений, сохранению и трансляции культурно-исторического опыта» [16, 227].

При этом, готовя публикации о социальных конфликтах, осуществляя репрезентацию «своих» и «чужих», журналисты вынуждены учитывать как политику издания, так и неоднородность менталитета и системы оценок у своей целевой аудитории. Различия в подходах, которые выбирают для решения этой задачи журналисты качественных и массовых изданий, будут рассмотрены в данной статье (на примере «Российской газеты» и «Комсомольской правды»).

В целом анализ оппозиции «свои» — «чужие» выступает как часть исследования более широкой проблемы — репрезентации Другого в различных дискурсах, в том числе в дискурсе СМИ. Философскому осмыслению проблемы Другого посвящены работы известных философов и социологов, таких как З. Бауман [1], Г. Гадамер [23], П. С. Гуревич [3], М. Кастельс [8], Ж. Лакан [11], О. Н. Павлова [14], Э. Тоффлер [20], Р. Штихве [26] и др. Проблемы толерантности находят свое отражение в работах исследователей журналистики И. М. Дзялошинского [5], Б. Н. Лозовского [12], Ю. В. Казакова [7] и многих других. Среди российских лингвистов, посвятивших свои исследования проблеме толерантности, можно назвать Л. В. Енину [10], Н. А. Купину [9],

Л. М. Майданову [13], О. А. Михайлову [9], И. А. Стернина [17], Э. В. Чепкину [25] и др.

Материалом для данного исследования послужили публикации СМИ, посвященные вооруженному конфликту в Южной Осетии (2008). Были отображены по 20 публикаций, размещенных в период с августа по октябрь 2008 г. в двух общероссийских газетах — качественном, официальном издании «Российская газета» и массовом издании «Комсомольская правда». Выбор именно этих материалов обусловлен двумя факторами. Во-первых, период возникновения и развития острой фазы конфликта сопровождается наибольшей активностью СМИ, освещающих и комментирующих происходящие события. Во-вторых, грузино-осетинский или, точнее, грузино-российский конфликт не был исчерпан с завершением боевых действий в августе 2008 г. В настоящее время российские политологи и аналитики отмечают сохранение напряженности между Россией и Грузией, прогнозируя возможность повторения военного столкновения между странами.

Методика проведенного исследования находится в русле дискурсивного анализа, опирается на понятия дискурса и дискурсивной практики. Дискурс рассматривается как социально упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации [6].

Под дискурсивной практикой понимается «процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса» [24, 8]. Такие практики определяют не только правила создания отдельного текста, но и общие способы передачи смыслов в одном или нескольких текстах.

В публикациях, посвященных вооруженному конфликту в Южной Осетии, обе газеты в качестве «чужих» персонажей репрезентуют военнослужащих грузинской армии, президента Грузии Михаила Саакашвили, представителей титульной нации Грузии, а также обобщенные образы стран — Грузии и США. Отдельно можно выделить группу «чужих среди своих», в той или иной мере сочувствующих или помогающих врагу.

Анализ исследованных публикаций показал, что «Российская газета», будучи официальным изданием, проявляет сдержанность в способах выражения негативной оценки в адрес противоположной стороны конфликта, передает интолерантные смыслы в основном на уровне текстового содержания. При этом зачастую объект, на который направлено интолерантное отношение, напрямую не называется, а уводится в подтекст.

...За последние двое суток враждующие стороны явно перешли от тактики мелких стычек с применением стрелкового оружия к полномасштабным боевым действиям. В ход пошли танки, БМП и даже крупнокалиберные орудия.

В отдельных южноосетинских селах уже разрушено до 20 процентов всех построек (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.).

Несмотря на то что стреляют обе «*враждующие стороны*», корреспондент сообщает только о разрушениях в южноосетинских селах. То есть на уровне текстового содержания автор сообщает адресату, что именно грузинская сторона совершает антисоциальные действия — разрушает мирные села.

Пока от обстрелов действительно страдают в основном поселковые постройки и мирные жители. Руководство Южной Осетии сообщило, что есть убитые и раненые в селах Прис, Дменис и Сарабук. В южноосетинских больницах находится порядка двадцати человек с огнестрельными и осколочными ранениями. В Тбилиси же заявляют об обстрелах грузинских сел Эредви, Приси, Авневи, Двани и Нули. О раненых и жертвах в этих населенных пунктах ничего не сообщается (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.).

В публикации дается перечисление обстреливаемых населенных пунктов как в Южной Осетии, так и в Грузии, однако подчеркивается, что грузинская сторона ничего не сообщает о пострадавших. На уровне фоновых знаний читатель понимает: во время обстрела, как правило, должны быть жертвы. Если сведений о них нет, сообщение недостоверно или не полно. Усиливает это впечатление и контраст, построенный на разнице сообщений с двух сторон. Таким образом, из подтекста читателю становится ясно: в результате действий «чужих» страдают «свои» — мирные жители, а ответное обвинение со стороны «чужих», вероятнее всего, несостоятельно.

Даже обвиняя грузинскую сторону в обстрелах, газета не допускает категоричности. Информация дана со ссылкой на очевидцев:

По свидетельству очевидцев, грузинские снайперы в течение последних дней не прекращали обстрел населенных пунктов непризнанной республики (Война без выходов // Рос. газ. 2008. 11 авг.).

В приведенном ниже примере российский дипломат прямое обвинение в адрес грузинской стороны по поводу нарушения обязательств заменяет уклончивой конструкцией:

«Будем надеяться, что грузинская сторона останется верной своим обязательствам, что с ней случается нечасто», — заявил российский дипломат (Там же).

В отличие от «Российской газеты» массовое издание «Комсомольская правда» не уводит негативную оценку «чужих» в подтекст, а сразу конкретизирует ее, избегая неоднозначного толкования текста.

Грузины пытались занять высоты с востока от Цхинвала, но сегодня они активизировались на западных окраинах. <...> Власти Южной Осетии доложили, что в зоне конфликта появились грузинские гаубицы. ...Грузия вполне может получить на свою голову еще один фронт — абхазский (Добровольцы окапываются у Цхинвала // Комс. правда. 2008. 8 авг.).

Дорога забита «грузинской военщиной», перебрасываемой под Цхинвал для решающего боя (Грузинский министр Темури Якобашвили: «Мы победим! А дальше?» // Там же).

Использовано негативно-оценочное слово ВОЕНЩИНА — «Неодобр. Агрессивные военные круги» [19, 102]. Для обозначения «чужих» употребляются этнонимы *грузины*, *грузинский*, что может способствовать приданию событиям элемента межэтнического противостояния. Правда, наименование страны *Грузия* подчеркивает межгосударственный уровень конфликта.

В публикации, посвященной встрече президента России Дмитрия Медведева и премьер-министра Владимира Путина (За Цхинвали // Рос. газ. 2008. 11 авг.), основные обвинения в адрес Грузии также уведены в подтекст:

Порядка 10 миллиардов рублей будет выделено на восстановление сел Южной Осетии и Цхинвали, который из-за бомбежек фактически превратился в руины. <...>

По словам Путина, в Северной Осетии МЧС развернуло госпиталь, который приступил к работе. Второй будет открыт непосредственно в Южной Осетии, но только когда это позволит обстановка.

К моменту публикации уже несколько дней все новостные каналы — печать, телевидение, радио — были насыщены сообщениями о войне в Южной Осетии. Фоновые знания большинства читателей безошибочно подсказывают, что именно грузинские войска виноваты в разрушении сел и городов этой республики и создании той «*обстановки*», которая не позволяет открыть госпиталь и оказать помощь пострадавшим. Но субъект разрушительных действий прямо не назван.

Премьер-министр признался, что встречи с беженцами вызвали у него тяжелое впечатление. «То, что они рассказывали <...> это уже выходит далеко за рамки понимания ведения боевых действий», — рассказал он.

<...> Учитывая, что основное население Южной Осетии — это граждане России, Путин считает, что имеет смысл поручить Военной прокуратуре документировать проявления подобного рода.

Премьер-министр не конкретизирует свой рассказ, однако из контекста понятно, что речь идет о действиях, которые необходимо расследовать прокуратуре, т. е. о преступлениях, о противозаконных, общественно опасных действиях, которые были совершены грузинской стороной. Кстати, использование непрямых номинаций «*То, что они рассказывали*», «*проявления подобного рода*» выполняет двойную функцию. С одной стороны, обеспечивается официальное, безэмоциональное изложение. С другой — читатели могут самостоятельно представить себе происходящее на основе фоновых знаний о военных действиях и разрушениях вообще.

Отметим, что информационная политика и формат массового издания «Комсомольская правда» позволили дать расширенную информацию в публикации, посвященной той же встрече. Сообщению о диалоге президента и премьер-министра предшествовала короткая репортажная зарисовка, в которой описывается ситуация общения Владимира Путина с пострадавшими жителями. В ней приводится множество конкретных деталей, несущих яркую оценочную функцию:

— **Раненых добивают**, — с гневом произнес Путин, — не дают вывезти. **Женщин, детей!** <...> Молодая осетинка в трауре (накануне она потеряла мужа) рассказала, как издеваются напавшие на Южную Осетию над мирными гражданами: «**Согнали, как скот, в большой дом и подожгли**». Путин покачал головой. «**Ребенка зарезали!**» — воскликнула другая женщина. «Что-что? — не поверил Путин. — Даже на слух это трудно воспринимается». Но женщины продолжали рассказывать премьеру о **зверствах** грузинских военных: «Старушка с маленькими детьми бежала, и по ним танк

проехал». Путин напряженно поднял руки и произнес: «Это **геноцид!**» (Дмитрий Медведев: «Виновные понесут наказание» // Комс. правда. 2008. 11 авг.).

Использованы слова, передающие негативную оценку: «ГЕНОЦИД. Истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным или религиозным мотивам» [19, 147]; «ЗВЕРСТВО. Бесчеловечный поступок, жестокость» [Там же, 247]. Аналогичную негативно-оценочную окраску имеют слова *издеваться, согнали как скот, подождли, зарезали...*

Отметим, что самые шокирующие детали здесь присутствуют в речи женщин — свидетельниц событий. Газета не публикует факты о зверствах от своего имени или от имени официальных лиц.

Из приведенного сравнения мы видим, что политика качественного издания предполагает взвешенные, сдержанные оценки «чужих», в то время как массовое издание прибегает к более эмоциональным и откровенным оценкам.

Это различие очевидно и при обсуждении общей ситуации взаимоотношений между Грузией и Южной Осетией. С первых дней в своих публикациях массовое издание «Комсомольская правда» повсеместно использует понятие *война*.

Вопрос дня. Что нужно сделать, чтобы прекратить **войну**? (Саакашвили подсунули «сырой» план нападения // Комс. правда. 2008. 11 авг.).

«ВОЙНА. Вооруженная борьба между государствами или народами, между какими-н. группами внутри государства» [19, 105].

В контексте общего массива публикаций «Комсомольской правды», посвященных событиям в Южной Осетии, преобладает смысл, что именно Грузия развязала войну, т. е. именно Грузия является «чужим», носителем антидобродетелей. «Российская газета», в отличие от «Комсомольской правды», напротив, проявляет осторожность в оценках и заменяет слово *война* различными синонимичными конструкциями, перифразами и штампами из официальной риторики: **Безответственная военная активность; Силовые акции; Создавшаяся напряженность** (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.); **Мы будем понуждать Грузию к миру, вплоть до военных методов** (Мы были максимально терпеливы // Там же. 11 авг.); **Встречу с министром обороны Медведев начал с того, что сообщил о завершении значительной части операции по принуждению грузинской стороны к миру** (Укрощение огня // Там же. 12 авг.).

Справедливости ради отметим, что, с точки зрения политической терминологии, события августа 2008 г., имевшие место в Южной Осетии, являются все-таки именно вооруженным конфликтом, а не войной. «Цели войны более масштабны и лучше спланированы, чем цели вооруженного конфликта. Политические цели войны формулируются задолго до ее начала и определяют ее подготовительную фазу: соответствующую реорганизацию армии, экономики, дипломатии, идеологии. Сама война ведет к качественным изменениям всех сторон жизни общества и представляет собой одну из древнейших форм социальной мобилизации» [15]. Вооруженный конфликт отличается от войны

ограниченностью политических целей противников; частными, а не коренными противоречиями в качестве причин; ограничением пределов применения военной силы; ограниченными территориальными масштабами и меньшей продолжительностью противостояния.

В первые дни после начала боевых действий качественное, официальное издание особенно сдержанно с оценками, поэтому слова, в которых негативная оценка входит в понятийное содержание, со страниц газеты звучат только в цитатах из высказываний официальных лиц, но не от имени журналистов.

Президент Южной Осетии Эдуард Кокойты <...> : «Происходит молчаливая **аннексия** территории Южной Осетии». «Идет подготовка к большой **агрессии**», — согласен с президентом секретарь Совета безопасности непризнанной республики Южная Осетия Анатолий Баранкевич (Цхинвал ночных атак // Рос. газ. 2008. 8 авг.).

«АННЕКСИЯ. Насильственное присоединение государства или части его к другому государству» [19, 15]; «АГРЕССИЯ. Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства» [Там же, 5].

Мы видим, что поначалу газета приводит цитаты, в которых используется официальная лексика, лишенная какой-либо эмоциональной окраски.

«Мы не можем оставить наших партнеров в НАТО наедине с потоками **дезинформации** из Грузии», — сказал Рогозин (Сдать танки // Рос. газ. 2008. 12 авг.).

«ДЕЗИНФОРМАЦИЯ. Ложная информация» [19, 187].

Но через несколько дней журналисты используют соответствующие данные и оценочные номинации уже от своего имени: *Россия обязана сделать все, чтобы грузинское руководство не смогло повторить **агрессию** (Укрощение огня // Рос. газ. 2008. 12 авг.); Грузинская **агрессия** против Абхазии могла обернуться природной катастрофой. <...> Особый **цинизм** этому плану придает такой факт...* (Обрушение «Скалы» // Там же. 29 авг.).

«ЦИНИЗМ. Пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство» [19, 1080].

Для характеристики «чужих» «Российская газета» начинает использовать слова с ярко выраженной негативной оценкой:

Я не припомню другого случая такого **вероломного** нападения на позиции миротворцев, как это произошло в Южной Осетии (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.).

«ВЕРЛОМНЫЙ. Коварный, действующий путем обмана, измены» [19, 81].

В первые же часы **коварной атаки** среди миротворцев появились погибшие (Рос. газ. 2008. 20 авг.);

«КОВАРСТВО. Злонамеренность, прикрытая показным доброжелательством» [19, 344]; «АТАКА. 1. Стремительное наступательное движение войск [Там же, 23].

В последнем случае автор использовал слово *коварный* в качестве синонима слова *вероломный*, так как в первом значении прилагательное *коварный* не сочетается со значением существительного *атака*.

Заметны различия между двумя изданиями в употреблении выражений с семантикой болезни, патологии, при помощи которой «чужие» исключаются из числа нормальных людей.

В «Российской газете» эту семантику можно обнаружить лишь в составе цитаты известного французского историка и политолога Эммануэля Тодда:

Конечно, нападение Грузии на Южную Осетию — **сумасшествие**: только **безумец** может решить, что такая маленькая страна, как Грузия, может противостоять России в военном плане (Россия сыграла на Кавказе партию в шахматы // Рос. газ. 2008. 28 авг.).

«Комсомольская правда» использует смыслы болезни и в текстах, и — преимущественно — в составе заголовочного комплекса, т. е. в тех элементах публикаций, которые привлекают внимание аудитории в первую очередь. Так, газета помещает заявление Михаила Саакашвили под рубрикой «Истерика» (Запад хочет «оседлать» конфликт // Комс. правда. 2008. 11 авг.).

«ИСТЕРИКА. Приступ истерии, а также вообще громкие рыдания с криками, воплями» [19, 309]; «ИСТЕРИЯ. Психическое заболевание, выражающееся в судорожных припадках, в слезах, смехе, криках» [Там же].

В качестве характеристики для грузинских военнослужащих «Комсомольская правда» берет выдержки из сообщений одного из блогов в США. В нем американский военнослужащий дает нелицеприятную оценку грузинам. Для цитирования взят фрагмент, в котором активно используется разговорная отрицательно-оценочная лексика, намек на обценную лексику.

Они **крадут** все, до чего только могут добраться. <...> На базе в Кувейте их постоянно ловили на **воровстве** в других подразделениях. <...> Пока они не прекратят всю эту свою **х...**, никаких разговоров об их приеме в НАТО и быть не может... Офицеры — **дрянь**. Похоже, их больше интересует то, что можно выпросить или **спереть** у американцев... (Запад хочет «оседлать» конфликт // Комс. правда. 2008. 11 авг.)

«ТАЩИТЬ. Разг. 8. То же, что красть» [19, 972]; «ПЕРЕТЬ. прост. 5. То же, что красть» [Там же, 635]; «ДРЯНЬ. Разг. 2. О ком-чем-н. скверном, плохом, ничтожном» [Там же, 218].

Однако необходимо отметить, что данный текст адаптирован для русского читателя, значит, ответственность за выбор большинства оценочных слов лежит и на русском переводчике.

Распространенный метод, используемый «Российской газетой», — характеристика «чужих», поданная в контексте противопоставления положительному образу «своих». В первом случае «свои» — мужественные, сильные, достойные. «Свои» — герои. «Чужие» даны как обобщенный образ врага героев, т. е. анти-герои. Они не такие, как мы. Так, главный герой одной из публикаций (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.) — офицер Александр Бугрий. В трудном бою, после тяжелого ранения командира он возглавил батальон миротворцев и выполнил поставленную задачу. За этот подвиг он представлен к награде.

В другом случае «свои» — типичные мирные жители, простая осетинская семья, в которой много детей (Три дня из жизни Лолиты Кабисовой // Рос. газ. 2008. 20 авг.). Эти люди строили дом, занимались сельским хозяйством. Когда началась война, муж и двое старших сыновей уходят защищать республику. Остальные — жена и восемь детей — оказываются беззащитными перед лицом агрессора.

«До ночи прятались в подвале и мечтали только об одном — добраться до России, — продолжает Лолита. — Родных у нас там не было, но мы знали, что там — наше спасение. Вечером отпустили на волю кур, чтобы врагам не достались, и двинули в путь» (Там же).

«Чужие» в данной публикации — грузинские солдаты, которые показаны как агрессоры, угрожающие жизни абсолютно мирных людей.

Персонажи этих публикаций, как правило, упоминаются в третьем лице. Их прямая речь на газетной полосе представляет собой литературно обработанный, вычищенный в эмоциональном плане текст.

В публикациях «Комсомольской правды», посвященных войне в Южной Осетии, напротив, превалирует прямая речь в свидетельствах частных лиц, ставших вольными или невольными участниками описываемых событий. Зачастую газета в качестве заголовка или подзаголовка использует одну из фраз рассказчика. Как правило, эта фраза содержит в себе прямое указание на врага, «чужого»:

«**Грузинские** танки лупили по нашей медицинской колонне» (Комс. правда. 2008. 11 авг.); «Поднялся **грузин** с гранатометом и выстрелил прямо в голову нашему солдату...» (Там же); «Дожили! **Грузины** с русскими воюют...» (Там же).

Ретрансляция почти не обработанной разговорной речи позволяет журналистам не подбирать синонимы для обозначения «своих» и «чужих». Многочисленные повторы в таких публикациях прочно закрепляют в сознании читателя оппозицию: «мы — они», «наши — грузины».

Грузины начинали подтягиваться и пускать в ход гранаты. **Наши** достойно отбивались. **Мы** с Сашей и еще несколькими офицерами решили пробиваться в конец колонны.

Пошли через придорожные кусты. А в них ведь ничего не видно. Через 10–12 метров **мы** наткнулись на четырех **грузин** в натовском камуфляже. **Они** ничего не успели сделать... **Мы** снова побежали по кустам, пригибаясь («Поднялся грузин с гранатометом и выстрелил прямо в голову нашему солдату...» // Там же).

Снова обратим внимание на постоянное использование этнонимов *грузин*, *грузины*. Газета не стремится отделить действия политического руководства Грузии и военнослужащих от позиции всего грузинского населения, этнических грузин.

Оба издания в своих публикациях прибегают к приему построения наивной моральной оппозиции «хорошие свои — плохие чужие»:

Командир батальона <...> до последнего **пытался принудить** грузинскую сторону к соблюдению перемирия и недопущению нарушения установленных границ, но в ответ на наш пункт обрушился залповый огонь из всех видов вооружения (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.).

«ПРИНУДИТЬ. Заставить сделать что-н.» [19, 736].

В данном случае не совсем понятно, что кроется за официальными штампами, каким конкретно способом офицер пытался принудить грузинскую сторону к миру и соблюдению границ. Тем не менее значения глаголов, характеризующих действия нашего офицера, относительно мирные по сравнению с обозначениями действий «чужих».

С военной точки зрения этот конфликт показал, что боевая техника маленькой Грузии оказалась более совершенной, и если бы не **трусость** грузинских военных, то нам пришлось бы туго. Современную технику грузины бросали прямо на поле боя. Наши же танки брали другим — **мужеством** их экипажа, простых российских парней (Бой втемную // Рос. газ. 2008. 27 авг.).

«ТРУСОСТЬ. Постоянная боязнь чего-н. опасного, неприятного, стремление избежать этого» [19, 1004]; «МУЖЕСТВО. Храбрость, присутствие духа в опасности» [Там же, 465].

Автор строит предельно простое противопоставление: грузинские военные — трусливые, наши — храбрые. На том же противопоставлении строит моральную оппозицию и газета «Комсомольская правда»:

Грузинские пленные в один голос плаксиво признавались: «Мы не хотели воевать, нас послали на войну под страхом трибунала». У российских солдат и офицеров были совсем иные настроения: они шли в бой с твердым убеждением, что делают праведное дело, спасая своих коллег-миротворцев и население Южной Осетии (Победителей не судят // Комс. правда. 2008. 27 авг.).

В контексте описываемого конфликта в группу «чужих» попадают и США, на сближение с которыми ориентировано руководство Грузии. Для характеристики США «Российская газета» строит более сложную оппозицию, используя сравнение действий двух стран — России и США — с действиями игроков в шахматы и карты. Эммануэль Тодд, известный французский историк и политолог, говорит корреспонденту газеты:

Поведение России в конфликте на Кавказе мне представляется совершенно логичным. Это поведение **хорошего игрока в шахматы**, который столкнулся с **игроком в покер** — США. Дело в том, что во многом внешняя политика США часто основывается на **блефе** (Россия сыграла на Кавказе партию в шахматы // Рос. газ. 2008. 28 авг.).

«БЛЕФ. Обман, рассчитанный на создание ложного (обычно благоприятного) впечатления; действие, вводящее в заблуждение» [19, 49].

Подтекст очевиден: Россия проводит более интеллектуальную, разумную и честную политику, в то время как политика США строится на обмане.

Прием построения оппозиции, основанный на сравнении со спортивными состязаниями, использует и массовое издание. «Комсомольская правда» сравнивает Россию и США со спортсменами-боксерами:

Тет-а-тет США и Россия уже обмениваются ударами — идет эдакий политический бокс с хуками, апперкотами, ударами ниже пояса. Россию вызывает на ринг соперник мощный и опытный — как говорят в боксе, «двурукий боксер», обладающий сильным

ударом с двух рук, к тому же **жестокий и не брезгующий запрещенными приемами** (В бой Америка пойдет и получит апшеркот? // Комс. правда. 2008. 21 авг.).

Далее автор, используя специфическую спортивную лексику, рассказывает о политическом соперничестве двух стран. В ходе повествования он последовательно доказывает несостоятельность действий США.

В своих заголовках для характеристики «чужих» обе газеты используют различные приемы языковой игры.

Много шума из-за Саакашвили (Рос. газ. 2008. 2 сент.).

«МНОГО ШУМУ ИЗ НИЧЕГО — 1. о больших волнениях по незначительному поводу, 2. о шумных никчемных разговорах» [22, 591].

В данном случае автор намеренно разрушает известный фразеологизм с целью достижения большей выразительности. Заменяя наречие *ничего* фамилией президента Грузии, журналист намекает на ничтожность, несостоятельность последнего.

В бой Америка пойдет и получит апшеркот? (Комс. правда. 2008. 21 авг.). «Комсомольская правда» дает игровой рифмованный заголовок, построенный в «частушечном» стиле. Несмотря на то что завершается заголовок знаком вопроса и материал, размещенный под ним, носит аналитический характер, сам по себе заголовок воспринимается читателем как утверждение легкой и быстрой победы над серьезным противником, «чужим».

Проведенное исследование показало, что «Российская газета», будучи качественным изданием, для характеристики «чужих» осторожно использует негативно-оценочные языковые средства, предпочитая им негативные характеристики на уровне содержания. Исключения составляют те случаи, когда газета приводит прямую речь официальных лиц. Наиболее ярко это выражено в отчете о встрече с политологами Президента РФ Дмитрия Медведева (Утраченные иллюзии // Рос. газ. 2008. 16 сент.). Цитируются слова главы государства:

Я думал, что, может быть, это все-таки очередная **провокация**, «**пробивка**» такая, как принято говорить на одном из российских сленгов.

«**ПРОВОКАЦИЯ**. Агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт» [19, 748].

Президент использует слово, в котором отрицательная оценка входит в понятийное содержание, и тут же добавляет синоним из сленга, придавая своей речи большую выразительность. Эту же цель преследует использование президентом разговорной, сниженной и грубой лексики:

...я никаких решений не принимал, надеясь, что у этих **придурков** хватит все-таки ума остановиться в какой-то момент.

«**ПРИДУРОК**. Прост. Придурковатый человек» [19, 730]; «**ПРИДУРКОВАТЫЙ**. Разг. Глуповатый, бестолковый» [19, 730].

Характеристика «главного» «чужого», президента Грузии, в устах Дмитрия Медведева является наиболее экспрессивной из всех, что разместила на своих страницах газета в исследуемый период. Говоря о Саакашвили, Медведев ис-

пользует семантику болезни, патологии, он приписывает грузинскому президенту употребление наркотиков:

Абсолютно непредсказуемый человек, отягощенный массой патологий, к сожалению, находящийся в несбалансированном состоянии психическом, вы меня, конечно, извините, но употребляющий наркотические средства.

Далее Медведев вновь использует разговорные и грубые слова:

Через некоторое время приехала наша близкая партнерша Кондолиза Райс, после этого **мальчика** как подменили.

Здесь президент, называя взрослого мужчину мальчиком, намекает на его несерьезность, неопытность, легкомысленность в делах.

Мы поняли, что по-другому защитить осетин и абхазов не удастся, что если один раз **напился крови**, то уже не остановится, если не **дать как следует в рыло**.

«РЫЛО. Прост. Бран. То же, что лицо» [19, 846].

Также президент использует здесь фразу, построенную по аналогии с фразеологизмами:

«ПИТЬ чью-н. КРОВЬ — перен. мучить, угнетать» [Там же, 381]; «КУПАТЬСЯ В КРОВИ — совершать казни, массовые убийства, быть виновником кровопролития» [22, 242].

Характеризуя Михаила Саакашвили, «Комсомольская правда» прибегает к иронии, фамильярности, грубым словам и жаргонизмам.

Саакашвили на все это реагирует **воинственно**.

— Призываю Россию отозвать всех своих граждан, которые занимают официальные посты в Южной Осетии, — заявил он вчера в Гори, куда **пожаловал** проведать раненых, пострадавших от осетинских пуль (Добровольцы окапываются у Цхинвала // Комс. правда. 2008. 8 авг.).

«ВОИНСТВЕННЫЙ. Свойственный воину, решительный, готовый к столкновению (также ирон.)» [19, 105]; «ПОЖАЛОВАТЬ (устар.). 1. Сов. к жаловать» [Там же, 678]; «ЖАЛОВАТЬ (устар.) Посещать кого-н.» [Там же, 229].

Америка <...> сделала все, чтобы убедить западный мир, будто это «злой русский медведь» пошел громить «маленькую независимую и гордую» Грузию, а агрессорами были мы, **а не воинственный генацвале** Саакашвили (В бой Америка пойдет и получит апперкот? // Комс. правда. 2008. 21 авг.).

Варваризм **ГЕНАЦВА́ЛЕ** — этикетное грузинское обращение — здесь звучит иронически.

Газета пренебрежительно и фамильярно называет Саакашвили по имени:

Мишу слил его же генштаб (Саакашвили не послушал своих генералов // Там же. 11 сент.)

При этом используется жаргонизм *слил*, сходный по смыслу с другим жаргонизмом *сдал*.

«СДАТЬ. 9. кого, что. Изменнически выдать, предать, продать (прост.)» [19, 867].

Одной из особенностей российского журналистского дискурса о войне в Осетии является использование параллелей со Второй мировой войной. Журналисты опираются при этом на мощные стереотипы и фоновые знания, сформированные у читателей за последние шесть десятилетий. Несмотря на то что в мире не прекращаются попытки каким-либо образом переоценить ту войну, в России события 40-х гг. XX в. большинством населения оцениваются однозначно.

Саакашвили использует приемы **Гитлера** <...>

Есть и еще один пример использования грязных политических технологий во благо всей цивилизации. И имя этому примеру — Адольф Шикльгрубер.

Запад тоже очень долго терпел и прощал Гитлеру его шалости вроде ввода войск в демилитаризованный Саар или претензий на Судеты. Терпел, потому что Гитлер казался Западу средством от ужасающей угрозы с Востока. Потому что Гитлер был руководителем, пришедшим к власти в результате выборов. <...>

Конечно, **Саакашвили — не Гитлер**. Мелок. **Но очень старается**. Он использует ту же риторику и те же приемы (Великий провокатор // Комс. правда. 2008. 14 авг.).

Автор последовательно уподобляет Саакашвили Гитлеру. В сознании читателя такая параллель вызывает однозначные ассоциации и резко отрицательную оценку грузинского президента.

А если бы этот **сумасшедший грузинский фюрер** бомбил установками «Град» не Цхинвал, а, скажем, Ростов-на-Дону, мы тоже должны были бы спокойно курить в сторонке? Ведь мировое же сообщество «может обидеться!» («Союз правых сил» выступил против России // Там же. 28 авг.).

«**ФЮРЕР**. В фашистских организациях: вождь» [19, 1059].

Несмотря на то что слово *фюрер* в буквальном смысле не имеет исключительного персонального отношения к руководителю Германии в период Второй мировой войны, в сознании читателей прочно укоренилось его соседство с именем Адольфа Гитлера.

Параллели со Второй мировой войной используются и в характеристике «чужих» через образ «своих».

Это не 45-й год, но русских жители вновь признанного государства встречали словно освободителей (Мы с вами — сейчас и навсегда! // Комс. правда. 2008. 30 авг.).

«Дед часто рассказывал, что ему до сих пор война снится, — говорит Саша. — Я теперь понимаю, что это такое. Перед глазами стоит Сережа Шевелев, другие наши ребята. Не могу поверить, что их уже нет. Виновные должны ответить за их смерть, за то, что лишили жизни тысячи мирных граждан» (Свой род не подвел // Рос. газ. 2008. 20 авг.).

Как известно, российские войска вышли за рубежи республики и вели боевые действия на грузинской территории, что также вызвало вопросы у некоторых экспертов. В 1945 году советские войска, а также американцы, англичане и французы вошли в Берлин, но остановившись на освобождении своих территорий. Тогда хотели наказать агрессора, то же произошло и месяц назад, подчеркнул премьер (Политический ликбез от премьера // Там же. 19 сент.).

Из подтекста понятно, что современные российские солдаты и российская армия в целом здесь уподобляются воинам Великой Отечественной войны, следовательно, «чужие», грузинские военные — фашистским оккупантам.

Его «Брестская крепость» под Цхинвалом (Комс. правда. 2008. 11 окт.)

В заголовке использовано устойчивое словосочетание, однозначно связываемое с массовым подвигом советских военнослужащих в первые дни Великой Отечественной войны.

Президент Южной Осетии, узнав, что Россия признала независимость республики, выпил на центральной площади Цхинвала чашу вина. Целых три литра! И без всякой закуски.

Это знак всему мировому сообществу, что осетины не против присоединиться к России. Ведь **наши-то после первой не закусывают!** (Люди, которые нас удивили // Там же. 4 сент.)

Автор иронизирует, используя элемент фоновых знаний большинства читателей — один из эпизодов известного рассказа М. Шолохова «Судьба человека», который вызывает однозначную гордость за главного героя. Тем не менее это добрая ирония по отношению к «своему» персонажу, празднующему победу над «чужими».

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что у качественного издания «Российская газета» и массового издания «Комсомольская правда» существуют значительные различия в выборе средств и методов характеристики «чужих» в публикациях, посвященных войне в Южной Осетии.

Во-первых, в большинстве текстов «Российская газета» предпочитает использовать содержательные средства для отрицательной характеристики «чужих» персонажей. Негативно-оценочные языковые средства употребляются, как правило, в публикуемых высказываниях официальных лиц. «Комсомольская правда» в равной степени использует как языковые, так и содержательные средства для негативной характеристики «чужих».

Во-вторых, в публикациях «Российской газеты» превалирует имплицитная оценка событий и их участников. «Комсомольская правда», как правило, дает эксплицитную оценку «чужим».

В-третьих, прямая речь в «Российской газете» представляет собой выверенные, сдержанные, за редким исключением, цитаты из речи официальных лиц или литературно правленный текст от имени рядовых участников событий. В публикациях «Комсомольской правды» прямая речь занимает большие массивы текста. Это так называемый «язык улицы» — разговорная речь, подвергшаяся минимальной правке. В этих диалогах и монологах газета передает эмоциональную оценку событий.

Вместе с тем у исследуемых изданий существуют и общие черты в подходах к характеристике «чужих». Прежде всего, «чужой» представлен как враг, агрессор — в соответствии с контекстом описываемой ситуации.

2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998.
3. *Гуревич П. С.* Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина // М. М. Бахтин как философ. М., 1992.
4. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. URL: http://www.shkolaprav.ryazan.ru/declaracia_tolerantnosti.htm
5. *Дзялошинский И. М.* Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002. С. 15–38.
6. Дискурсивные практики СМИ и проблемы информационной безопасности. Коллективная монография / отв. ред. Э. В. Чепкина. Екатеринбург, 2009.
7. *Казаков Ю. В.* На пути к профессионально-правильному. Российский медиаэтнос как территория поиска : сб. док. и материалов. М., 2001.
8. *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 292–308.
9. *Кутина Н. А., Михайлова О. А.* Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 22–27.
10. *Кутина Н. А., Енина, Л. В.* Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997. С. 26–38.
11. *Лакан Ж.* Психоз и Другой // Метафизические исследования. Вып. 14 : Статус Иного. СПб., 2000. С. 201–217.
12. *Лозовский Б. Н.* «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию. Екатеринбург, 2001.
13. *Майданова Л. М., Соломатов С. И.* Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах. Екатеринбург, 2004.
14. *Павлова О. Н.* Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М. 2001.
15. Понятия «война» и «вооруженный конфликт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.freecopy.ru/print.php?id=157675>
16. *Скорнякова С. С.* Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004. С. 225–231.
17. *Стернин И. А.* Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации : колл. монография. Екатеринбург, 2004. С. 130–149.
18. Толерантность как основа социальной безопасности / под ред. Н. П. Медведева. Москва ; Ставрополь, 2002.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.
20. *Тоффлер Э.* Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 276–288.
21. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
22. *Федосов И. В., Лапицкий А. Н.* Фразеологический словарь русского языка. М., 2003.
23. Человек и язык // От Я к Другому : сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. С. 130–141.
24. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
25. *Чепкина Э. В.* Этнические характеристики персонажей как показатель степени толерантности автора публикаций // Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В. К. Мальковой. М., 2002.
26. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 41–53.

Статья поступила в редакцию 15.01.2011 г.